

Снова ушла? Вечно ей нейдет, уходит все раньше и раньше, — пробормотала себе под нос Цзи Шунуань, услышав, что Вэнь Сяньцю отправилась в лавку с самого раннего утра. После того как отец Цзи и мать Цзи уехали на юг, Цзи Шунуань стала жить куда вольготнее, зато Вэнь Сяньцю, напротив, закрутилась в хлопотах. Еще несколько дней назад та принялась напропалую пропадать в торговой лавке Семьи Цзи: обычно уходила спозаранку, а возвращалась лишь после полудня, а то и вовсе под закат. Цзи Шунуань считала Вэнь Сяньцю довольно необычной. Ей было известно, что большинство вэньюаней в эту эпоху — изнеженные барышни из благородных семейств, которые после замужества безмятежно и покорно заботятся о женах, напоминая современных домохозяек. Вэнь Сяньцю же, казалось, искренне нравилось возиться с торговыми делами, из-за чего Цзи Шунуань видела в ней этакую деловую бизнес-леди, угодившую прямоком в древность. Разумеется, подобное поведение Вэнь Сяньцю ее ничуть не отталкивало, напротив, ей стало куда легче дышать, когда та отсутствовала дома. В конце концов, оставаться с Вэнь Сяньцю наедине — та еще задачка: вечно приходится держать под контролем собственные природные инстинкты и изо всех сил скрывать истинную сущность, чтобы та ничего не заподозрила.

Допив чай, Цзи Шунуань поднялась на ноги и решила немного перекусить. Хотя кухарка в Семье Цзи и славилась мастерством, а стряпала отменно, но изо дня в день есть одно и то же в конце концов надоедает. Время-то древнее, продукты и приправы для готовки довольно однообразные, а многих привычных современному человеку вещей здесь днем с огнем не сыщешь. Поглощая изо дня в день всю эту пресную пищу, Цзи Шунуань едва ли не забыла, каков острый перец на вкус. Потягивая пустой рисовый отвар, она мыслями уже витала где-то возле блюд сычуаньской кухни. В этот момент ее стопу вдруг что-то щекотнуло. Опустив взгляд, Цзи Шунуань заметила пухленького серого котенка, примостившегося прямо у ее ног. Прижавшись теплым пузиком к ее подъему, малышка с любопытством уставилась на нее круглыми угольно-черными глазюками. Цзи Шунуань наклонилась, подхватила котенка на руки и ласково заговорила:

— Сяо Цуй, ты сегодня уже кормила ее?

Она нежно поглаживала круглый кошачий животик. Эту маленькую бездомную кошечку она заприметила в саду несколько дней назад. Малышка родилась совсем недавно, видимо, потеряла мать и случайно забрела на территорию Семьи Цзи. Когда Цзи Шунуань подобрала ее в тот день, кроха была тощей, грязной и выглядела крайне жалко.

Цзи Шунуань извечно питала слабость ко всякой пушистой живности, а перед кошками и вовсе не умела устоять. Она тут же велела Сяо Цуй вымыть котенка и поручила ежедневно оставлять еду в том месте, где та впервые появилась. После стольких кормлений дикий котенок быстро привык к Цзи Шунуань. Теперь малютка при каждом удобном случае бежала к ней порезвиться или наведывалась, стоило только проголодаться. За несколько дней кошка заметно округлилась, и ее животик то и дело забавно выпирал шариком.

— Кормила, конечно! Как барыня и велели, каждый день оставляем еду на том же месте. Кажется, эта кошка привязывается к вам всё сильнее. Разве барышня не хочет оставить ее при себе? — Сяо Цуй видела, как сильно Цзи Шунуань привязалась к животному, однако ее удивляло, что та даже не собиралась давать котенку кличку или забирать в жилые покои. Для малышки лишь соорудили уютную лежанку в саду да исправно носили еду, и служанка никак не могла взять в толк причину такой сдержанности.

— Ничего страшного, считай, что она и так под моим крылом, — Цзи Шунуань потрепала котенка по макушке. Причина, по которой она не заводила кошку в доме, на самом деле была банальна. Во-первых, она подспудно чувствовала, что пробудет в этом мире не так уж долго; во-вторых, характер прежней хозяйки тела явно не располагал к разведению питомцев. После ее переселения здешние привычки и так претерпели слишком много изменений, а завести еще и кота — значило навлечь на себя лишние подозрения, так что подобных планов она и не строила. Поласкавшись еще немного, кошечка наконец резво упорхнула со двора и вернулась в сад.

Сытно пообедав, Цзи Шунуань с ленивой негой повалилась на кровать вздремнуть. Сон в послеобеденные часы был для нее самым сладким за весь день, ведь в это время рядом не крутилась Вэнь Сяньцю, а значит, не было нужды с опаской жаться по ночам к холодной стене и засыпать в постоянном напряжении, страшась сотворить во сне что-нибудь лишнее с Вэнь Сяньцю.

Поначалу Цзи Шунуань не была столь осмотрительна, но как-то раз, проснувшись на рассвете, обнаружила, что во сне перевернулась лицом к Вэнь Сяньцю и бессовестно отвоевала большую часть ложа, едва не заключив ту в крепкие объятия. В прошлой жизни Цзи Шунуань доводилось делить постель с близкой подругой, поэтому к подобному она относилась без излишней трепетности. Однако... спать в обнимку с Вэнь Сяньцю — совсем другое дело, да и ее собственное тело теперь разительно отличалось от прежнего. Как бы Цзи Шунуань ни пыталась закрывать на это глаза, она не могла отменить тот факт, что по своей природе являлась тяньюанем. А Вэнь Сяньцю, будучи вэньюанем, источала манящий аромат телесных инстинктов, перед которым было труднее всего устоять. Пусть это случалось не каждое утро, но порой, просыпаясь, Цзи Шунуань ощущала странные изменения в теле — необъяснимые физиологические реакции, от которых ей становилось невыносимо неловко.

Впрочем, вдоволь нагладевшись и привыкнув со временем, Цзи Шунуань призналась себе, что теперь всё выглядит не так уж и отталкивающе, и во время водных процедур она уже безбоязненно мылась собственными руками. И всё же ее разум наотрез отказывался мириться с подобными проявлениями физиологии, особенно если учесть, что причиной их была женщина — точно такая же, как она сама, Вэнь Сяньцю. От одной этой мысли Цзи Шунуань заливалась краской стыда, из-за чего каждую ночь забивалась в самый дальний угол кровати, панически боясь повторения утренних конфузов. К счастью, подобные реакции случались крайне редко: если подсчитать, с момента попадания в этот мир их набралось всего-то два раза. Похвалив себя за поразительную силу воли, она мысленно рассыпалась в комплиментах собственной выдержке. Сейчас же, безраздельно властвуя на огромной кровати под лучами ласкового солнца, она незаметно для себя проспала до самого заката.

Цзи Шунуань проснулась от голодного урчания в желудке. Прижав руки к громко запросившему еды животу, она поднялась и отправилась к Сяо Цуй справиться насчет ужина, но, услышав, что в меню снова сплошная пресная снедь, вмиг потеряла всякий аппетит. Раньше Цзи Шунуань никогда не слыла любительницей острого, но стоило надолго лишиться привычной пищи, как в ней проснулась непреодолимая тяга к пряностям. Ей безумно захотелось отварного мяса в остром бульоне и курицы по-сычуаньски — блюд, о которых здешняя кухарка, пожалуй, отроду не слыхивала, не говоря уже о том, чтобы приготовить.

Томленная жаждой вкусной еды, Цзи Шунуань решительно велела кухарке приготовить

нужные продукты, отправила слуг докупить молотого перца чили с мелкими перчиками и сама отправилась на кухню засучить рукава. Увидев, что барыня лично пожаловала к очагу, кухарка едва не рухнула на колени, перепугавшись, что стряпня пришлась той не по нраву. Однако Цзи Шунуань лишь заявила, что хочет сама сварганить пару блюд. Следя за тем, как хозяйка щедро сыплет жгучий перец в кипящее мясо, кухарка зябко поежилась: неужто барыня придумала очередной изощренный способ издевательств?

Сстряпав целую гору блюд сычуаньской кухни, Цзи Шунуань попросила Сяо Цуй помочь отнести их к столу. Уловив резкий, едкий запах, Сяо Цуй едва сдерживала кашель, расставляя тарелки перед Цзи Шунуань.

— Барышня... это разве можно есть? — Служанка со смесью страха и недоверия взидала на кушанья, сплошь усыпанные багрянцем перца. От одного их запаха становилось не по себе — неужели найдется смельчак, способный отправить такое в рот?

<http://bllate.org/book/24913/2948088>